

СЕКРЕТ ПОЛИТИКА

ПРАВДА ЖИЗНИ НА ЭКРАНЕ

КАЖДЫЙ второй россиянин считает, что обществу нужно социальное кино, отражающее даже самые неприглядные стороны российской действительности. Такие данные представил Всероссийский центр изучения общественного мнения. Фильмы, подобные «Левиафану», необходимо снимать – в этом убеждены 48% опрошенных. Напротив, каждый четвертый (23%) полагает, что социальное кино нашей стране не нужно. За государственное финансирование остросоциальных киноработ выступает почти половина респондентов (46%). В свою очередь, каждый третий (32%), напротив, считает, что не следует тратить на них бюджетные средства. Прежде всего об этом говорят жители обеих столиц (45%), материально обеспеченные граждане (38%).

«Нужно ли нам остросоциальное кино за наш счет?» – на вопрос ответили наши эксперты.

Светлана Переломова, журналист:

– Я не смотрела «Левиафан» и не собираюсь этого делать. Нет у меня настроения. Ну и что, что это общественно интересная фишка? Я не считаю, что если все посмотрят, то я обязательно должна быть в курсе. Мне по душе философское кино, в котором главная мысль преподнесена легко, творчески и присутствуют размышления автора о Боге, душе, жизни и ее правилах, коллизиях. Чтобы, посмотрев картину, можно было бы сделать выводы о своей судьбе и жизни близких, а в перспективе даже что-то изменить. Что толку смотреть на эту грязь, которую мы и так каждый день видим? Важнее самому в себе эту грязь расчищать и побудить к этому других людей, в этом цель истинного творчества. Последняя картина, которую с удовольствием посмотрела, – «Ослепленные желанием». Она о том, как герои подписывают контракт с дьяволом об обязательном осуществлении нескольких желаний. И они в точности сбываются, но у каждого желания есть обратная сторона. Например, мечтавший о богатстве человек просыпается наркоманом, а человек, пределом грез которого было соединить судьбу с девушкой мечты, понимает, что она стала его женой, но любит другого. Есть о чем поразмышлять после просмотра.

Роман Рютин, оператор, автор документальных фильмов:

– Нам очень нужно остросоциальное кино, оно было всегда и будет. Но «Левиафан», на мой взгляд, здесь ни при чем. Я разочаровался в режиссере Звягинцеве. Его последний продукт сделан не от души, напоказ, что ли. Раньше я им восхищался, внимательно следил за его творчеством, пересматривал каждую картину. А сейчас Звягинцев, пресыщенный славой и признанием жюри международных конкурсов, не может быть таким, как раньше. Дух «европейских ценностей» очень силен, и наш режиссер просто «сдулся» и в своих картинах от притчи перешел к бытовухе. Его творчество стало неудовлетворенным и злым, а этими качествами душу зрителя не тронешь.

Нам нужно кино на хорошем творческом уровне. Но, по моему мнению, документальные фильмы не нужно снимать на средства господжбюджета. Государственное финансирование априори ангажирует на псевдокино. Нужно быть Пудовкиным или Эйзенштейном, чтобы переломить это давление. Госзаказ должен стимулировать острое, умное кино, а этого не происходит. В эпоху Бондарчука-младшего бюджетная поддержка заставляет тебя форматировать кино под тему заявки и всё действие должно разворачиваться в обозначенных рамках. Поэтому я считаю, что кино должно быть «голодным». Стоящая идея и ее автор всегда найдут свое финансирование.

Анна Лемзюкова, телеведущая:

– Безусловно, кино нужно развивать всеми доступными средствами. Но с художественным кино не всё так просто. Например, нашумевший сериал Валерии Гай Германики «Школа» можно назвать остросоциальным, а можно – авторским кино. Если бы его поддержали за бюджетный счет, я лично была бы в шоке. И в такой спорной ситуации оказались бы многие фильмы. Как провести грань между авторским взглядом и реальной жизнью? У всех людей на этот счет субъективное мнение. Вот, например, Алексей Балабанов в своем кино вскрывает явления, которые рядом с нами, порой они просто леденят душу. Но это кино не для всех.

Если бы некая кинокартина касалась проблемы, скажем, обездоленных людей, я бы, как налогоплательщик, согласилась с финансированием ее из бюджета.

Есть четкое определение, что такое документальное кино. Чтобы избежать неопределенности и разночтения, нужно государству финансировать документальные картины, а авторское кино оставить спонсорам.

Николай Захаров, менеджер по сбыту технологической продукции:

– Социальное кино однозначно показывать нужно. Народ должен видеть, что происходит вокруг. Возможно, на что-то люди просто не обращают внимания, а соперничая героям на экране, они проникнутся и изменят отношение к каким-то вещам. И денег государственных мне не жаль. У нас и так с бюджетом ситуация неоднозначная: средства всегда есть, а тратятся непонятно куда.

Последнее социальное кино, которое я видел, – «Сибирь. Монамур». Действие происходит в сибирской глубинке, где живут забытые богом люди. Это картина о человечности, справедливости, милосердии. Таких фильмов нужно выпускать побольше.

Ольга Бельская, председатель Иркутского областного отделения Союза кинематографистов России:

– Безусловно, люди хотят видеть реальную жизнь на экране, видеть реальных, узнаваемых персонажей, которые им встречаются в жизни. Вспомните огромную популярность советских фильмов, принадлежавших к жанру, который мы скептически называли «социализм».

Жизнь должна быть реальной, но автор не должен говорить: «Жизнь – дерьмо, все уроды!» Есть замечательная фраза: «Без любви нет правды». Хорошо, если создатели фильма будут говорить о героях без презрения, не станут затаптывать в грязь нашу страну, вызывая натурализм и безнадёгой суицидальные настроения. Моя дочь, живущая за границей, посмотрела «Левиафан». Ее короткая реплика была такой: «Мама, за границей и так все считают, что Россия – отстой, зачем еще укреплять эту мысль?» К чему приведет такая «критика» нашей жизни? К желанию всем сразу уехать?

Автор должен любить зрителя, а зрителю должно хотеться жить, преодолевать преграды, сложности, побеждать трудности, делать свою жизнь лучше. Последний фильм, который меня тронул, – «Рябиновый вальс». Он рассказывает о девочках-старшеклассницах, которые после войны обезвреживают минные поля под руководством двух молодых военных. Фильм пугающий и прекрасный одновременно. И понимаешь: задача автора не показать, что в этой страшной стране девочек бросают на мины, а что побеждает тот, кто живет по принципу «кто, если не мы?».

За язык тянула Екатерина Григорова

Виталий Денисенко: «В избирательной системе еще есть что усовершенствовать»

Начало на стр. 1

Нам купили компьютер, принтер, и мы, воодушевленные, принялись формировать автоматизированную информационную базу всех избирателей. Вначале за основу взяли существующие списки избирателей (тогда не было ограничения на доступ к персональным данным, как в настоящее время, когда это регулируется соответствующим законом), пригласили обычных школьников, для которых сотрудничество с нами засчитали как практику, они очень быстро внесли информацию об избирателях в электронную систему, после чего мы распечатали списки на принтере. Всем этот подход очень понравился. Было удобно: внесли изменения, уточнили – и печатай сколько угодно.

Члены избирательных комиссий, получив списки на руки, быстро прошли по квартирам избирателей, внесли корректировки в списки (кто-то переехал, кто-то вселился). Мы следом исправили нашу основную электронную базу и представили Ангарской территориальной избирательной комиссии актуальные списки.

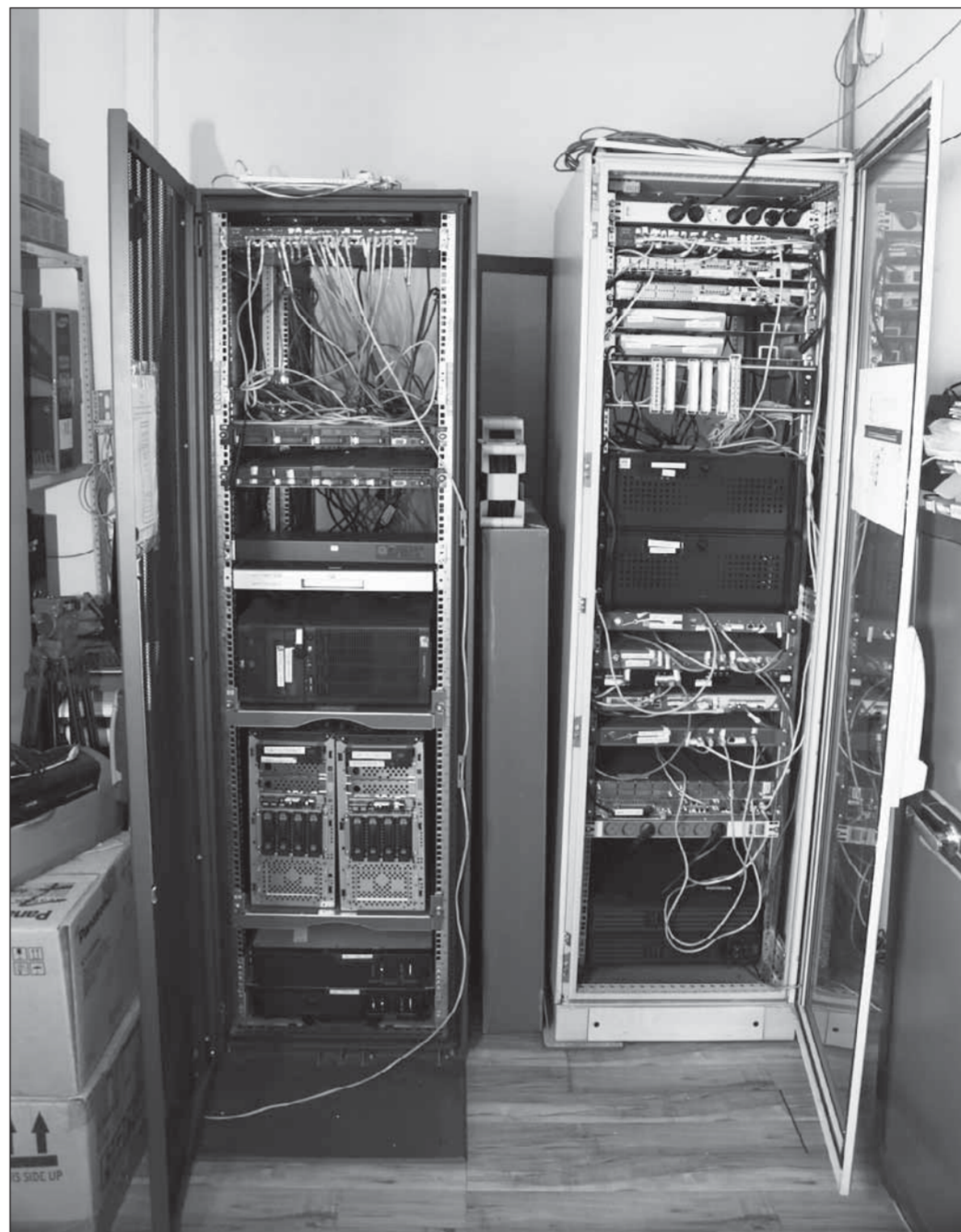
– В других городах Приангарья было тогда что-то похожее на ваше изобретение?

– Нет, тогда, в 1992 году, не только в Иркутской области, но и во всей России такой электронной базы избирателей не было. В избирательном деле это, конечно, стало революцией.

Но, добившись успеха, мы не остановились на достигнутом и предложили развивать систему дальше. Ведь для полноценной работы с данными о жителях мало знать только адрес, имя и фамилию. А, например, если к ним добавит информацию о жилье, является ли человек собственником или просто прописан в квартире или доме, наша база могла стать основой для начисления разнообразных оплат: налогов, коммунальных платежей.

Таким образом первоначальная база избирателей начала разрастаться, и в результате нового этапа работы у нас получилась более полная база населения, дающая цельную картину о жителях территории. Как шел процесс? На этот раз подключать школьников, как прежде, не стали, так как работать предстояло с серьезной информацией. Поэтому мы пригласили специалистов из Центра занятости населения. Обучили их, разместили в выделенном в администрации помещении. Технология «производства» новой базы была такая: нашим специалистам привозили карточки учета ангарчан из паспортных столов, эти данные добавлялись в нашу первоначальную матрицу информационной базы жителей. За два месяца (что довольно быстро для такого дела) эта кропотливая работа была завершена.

Тем временем городская администрация купила компьютеры для жилищных контор, мы разработали специальные программы для коммунальных нужд и все функции прописки перенесли в ЖЭКи, куда, кстати, перешли работать паспортистами многие из тех девушек, которые участвовали в нашем проекте (к сожалению, не все работницы паспортных столов в ЖЭКах смогли освоить работу с компьютером, поэтому наших девушек с удовольствием взяли). Все данные из ЖЭКов стали автоматически поступать на сервер админист-

«СЕЙЧАС МЫ ИМЕЕМ В РОССИИ 7–8 ОРГАНИЗАЦИЙ, КОТОРЫЕ ФОРМИРУЮТ ДУБЛИРУЮЩИЕ ДРУГ ДРУГА БАЗЫ НАСЕЛЕНИЯ, ВМЕСТО ТОГО ЧТОБЫ ИМЕТЬ ОДНУ И ЕЮ ПОЛЬЗОВАТЬСЯ».

рации, таким образом у нас здесь начала формироваться база информации из разных источников.

Чуть позже подобную систему поставили в загсе, и сведения по рождению, смерти, регистрации браков тоже в автоматическом режиме пошли сюда. Так в 1993 году у нас появилась актуальная база о жизни жителей города, обновляющаяся в режиме реального времени, поэтому не содержащая ошибок.

Сейчас все ведут свои базы: Пенсионный фонд, УФМС, служба ЗАГС. Получается, что сейчас мы имеем в России 7–8 организаций, которые фактически формируют дублирующие друг друга базы населения, вместо того чтобы иметь одну и ею пользоваться.

Идея для страны

– Как об ангарском опыте узнали за пределами города?

– В те годы руководителем информационного центра в Ангарске был Михаил Юрьевич Губов. Когда о том, что тут мы сделали, стало известно нашим коллегам из области, его пригласили на ту же должность в Иркутск, где он познакомился с тогдашним председателем Избирательной комиссии Иркутской области Валерием Андрияновым. Ему очень понравился подход к формирова-

постоянно выверяется специалистами различных структур, плюс сверка происходит каждый раз перед выборами: за ее актуальностью как раз отвечают местные администраторы.

Электронное будущее

– Что изменилось в функционировании системы с тех пор?

– Сейчас Россия разбита на двенадцать территорий, каждую из которых обслуживает свой сервисный центр ГАС «Выборы». В зону нашей ответственности входят Иркутская область, Тыва, Бурятия, Забайкальский край.

С момента создания системы менялась техника, появились новые способы защиты информации, передачи данных, настройки шифрации передачи данных. Нам обязательно иметь соответствующие лицензии, которые позволяют работать с такими системами. Потом были созданы комплексы обработки избирательных бюллетеней (КОИБ).

– Каким может стать следующий шаг в развитии системы?

– У нас постоянно увеличивается функционал в области защиты данных и обеспечения надежности сохранения информации.

Сейчас логично, чтобы началась автоматизация избирательных участков. Поясно на одном примере. Годы четыре назад в одном из удаленных поселков Братского района мы проводили эксперимент передачи данных об итогах голосования. Приехал специалист со спутниковой связью, мы использовали мобильную. Замечу, что обычно протоколы оттуда до ближайшей территориальной избирательной комиссии везли два дня. Мы же тогда справились быстро: с помощью мобильной связи передали зашифрованные данные в Иркутск, наш коллега по спутниковой связи – в Москву. Эксперимент прошел хорошо.

Думаю, сейчас уже можно вообще наладить голосование с помощью мобильного телефона, устарели все эти бумажные листы, заполняемые вручную ведомости. Надо только, чтобы кто-то сел и хорошо-хорошо подумал, как можно в день выборов голосовать за кандидата по мобильному телефону. Думаю, в этом направлении должна двинуться мысль тех, кто занимается вопросами избирательной системы.

Беседовала
Анна Важенина

на обработку данных, а не на данных об избирателях.

– Когда разработанная вами информационная система из демоверсии превратилась в полноценный рабочий инструмент?

– Концепцию информационной системы мы разработали в 1993 году, в начале 1994 года она была утверждена, потом был период плотной разработки всех деталей, в 1995 году систему установили и в 1996 году уже использовали на выборах в Государственную Думу. К 2000 году мы полностью сформировали базу избирателей, были разработаны необходимые законодательные акты, которые позволяют актуализировать ее: например, сейчас МВД, УФМС законодательно обязаны подавать данные в систему.

С уверенностью могу сказать, что база избирателей – самая актуальная база населения в стране, потому что она

«ДУМАЮ, УЖЕ МОЖНО НАЛАДИТЬ ГОЛОСОВАНИЕ С ПОМОЩЬЮ МОБИЛЬНОГО ТЕЛЕФОНА, УСТАРЕЛИ ВСЕ ЭТИ БУМАЖНЫЕ ЛИСТЫ».

«В 1992 ГОДУ НЕ ТОЛЬКО В ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ, НО И ВО ВСЕЙ РОССИИ СПЕЦИАЛЬНОЙ ЭЛЕКТРОННОЙ БАЗЫ ИЗБИРАТЕЛЕЙ НЕ БЫЛО».